

Виктор Точинов

Ночь накануне юбилея Санкт-Петербурга

*Часть сборника
Городская фэнтези – 2008*

Виктор Павлович Точинов
Ночь накануне юбилея
Санкт-Петербурга
Серия «Темные игры – 2»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=157294

Аннотация

Накануне семидесятилетия небольшого американского городка Санкт-Петербурга на борту парохода, плывущего по Миссури, беседуют знаменитый писатель и успешный бизнесмен. Они рассказывают о том, как сложилась их жизнь и жизнь знакомых им обитателей города: Тома Сойера, Беки Тетчер, негра Джима...

Виктор Точинов

Ночь накануне юбилея Санкт-Петербурга

За отдраенным иллюминатором – его писатель, как человек сухопутный, считал открытым окном – плыла ночь. И плыли берега – хотя их почти не было видно. Левый, ближний, во многих местах вздымающийся высокими отрогами, еще как-то чувствовался. На звезды (на те, что не догадались забраться на небесном своде в безопасное место, поближе к зениту) – на эти недальновидные звезды напозлали черные силуэты утесов. Звезды исчезали – словно там, в небесной выси, завелось огромное мрачное чудовище, пожирающее их. Потом появлялись снова, целые и невредимые, – словно прожорливое чудовище обладало весьма слабым пищеварением. Улыбнувшись такому сравнению, писатель отвернулся от окна, которое на самом деле называлось иллюминатором.

...Каюта была роскошная – мореный дуб, сафьян, бархат, слоновая кость, серебро. Поначалу писатель чувствовал себя в ней неуютно – но чувство это слабело по мере того, как убывало вино в покрытой паутиной бутылке. Кончились они одновременно – и «Божоле Луизьон», и писательская неловкость. Впрочем, его спутник и собеседник откупоривал уже

вторую – открывал сам, встреча старых знакомых проходила тет-а-тет, без стюарда и прочей вышколенной прислуги.

– Странно, что ты совсем не пьешь виски, – сказал писатель. – Почему-то мне представлялось, что ты обязательно пьешь виски.

– Пробовал много раз. Тут же лезет обратно, – коротко и мрачно ответил Хозяин.

Он действительно был хозяином и этого судна, и много еще чего хозяином. Матросы, и прислуга, и даже сам капитан, – звали его не шефом и не боссом, а именно Хозяином. Звучало это с неподдельным уважением, и как бы с большой буквы – будто имя собственное. Писатель решил, что надо быть весьма и весьма незаурядным человеком, чтобы тебя называли так даже за глаза – и, по неистребимой своей писательской привычке, подумал: вставлю куда-нибудь.

Будем называть владельца судна (и не только судна) Хозяином и мы. А писателя... ладно, писателя будем звать Писателем – тоже с большой буквы. Пусть ему будет приятно – тем более что к тридцати девяти годам известности он добился изрядной.

– Наверное, мой папаша заодно вылакал и то виски, что судьбой было отмерено на мою долю, – добавил Хозяин, разливая.

Вино лилось тонкой струйкой, и ударялось о хрусталь бокала, и в свете свечей казалось... – Писатель мысленно замялся, поняв, что не может с лету подобрать сравнения – не

затертого, яркого, свежего – писательского.

– За Санкт-Петербург, – провозгласил Хозяин уже третий сегодня тост за родной город. – За его юбилей. Семьдесят лет – не шутка, что и говорить. Странное дело, Сэмми, – где я только не бывал, и попадал в красивые по-настоящему места, – но до сих пор мне порой снится этот занюханный, сонный и вонючий городишко, где, по большому счету, ничего хорошего я не видел.

– Это, Берри, и называется – ностальгия... – сказал Писатель. Произнес он на французский манер: «ностальжи».

– Теперь я тоже знаю, что такое ностальгия, – кивнул Хозяин. – Мне было тридцать с лишним лет, и я заплатил кучу хорошеньких кругленьких долларов, чтобы узнать это и другие похожие слова. И что же? – ничего не изменилось, когда на душе скребут кошки – назови это хоть по-французски, хоть по-китайски, – а тебе все так же паршиво... Теперь вот мы плывем вверх по реке – а мне кажется, что вокруг не вода, а время... Время – понимаешь, Сэмми? А мы плывем ему встречь... Кажется, что снаружи – стоит выйти из каюты – все по-прежнему. И меня, одетого в лохмотья юнца, вышибут пинками с палубы первого класса, и вообще с парохода... Нет, Сэмми, что ни говори, а Санкт-Петербург – маленькая паршивая дыра. И хорошо, что его юбилей бывают не часто.

– Зато на завтрашнем торжестве ты будешь первым человеком, Берри. Вот если бы ты родился, скажем, в Бостоне, –

на его юбилее затерялся бы в толпе знаменитых уроженцев. А так именно тебе предстоит открывать памятник Уильяму Смоулу... Я, кстати, до сих пор не понимаю, как тот похожий на армянина-ростовщика скульптор сумел уболтать отцов города и добиться возведения эдакого бронзового чудища... Да и не Смоул это вовсе. Я сильно сомневаюсь, что старина Билли семьдесят лет назад, – когда он вылез из фургона на берегу Миссисипи и сказал: «Строить будем здесь!» – был в треуголке, камзоле и высоченных ботфортах. Скорее в соломенной шляпе, домотканой блузе и башмаках с деревянными подошвами. И в руках держал не трость, а обычный кнут, которым погонял лошадей... Ты, Берри, видел эскизы памятника? – это же не фронтирьер, а какой-то хлыщ из Нью-Амстердама.

– Что там эскизы, Сэмми. Смоула-основателя отливали на моем заводе в Цинциннати, и везли в Санкт-Петербург на моей барже. Мне он, между прочим, понравился. Большой, внушительный. А что одет не так – и сейчас-то его никто не помнит, а еще через семьдесят лет не будет и тех, кто слышал рассказы отцов и дедов о старине Билли. И он останется для людей таким, каким мы его изобразим. В треуголке и ботфортах... Но кое в чем ты ошибся. Памятник мы будем открывать вместе, стоя рядом. Потому что более никого, достойного такой чести, Сан-Питер не породил. Гордись. – И Хозяин вновь наполнил бокалы.

Писатель гордиться не стал. Сказал задумчиво:

– А ведь странно... Ведь кем мы были среди сверстников? Я – незаметный в любой компании середнячок... А ты... Ну, не мне рассказывать, кем ты был тогда. Мне всегда казалось, что добьются успеха и прославятся или Джо, или Томми, или... Но никак не мы.

– Джо действительно мог прославиться, – подтвердил Хозяин. – Отчаянный был парень. В войну записался в «Белый легион Миссисипи», потом стал одним из лучших кавалерийских офицеров в армии генерала Ли. Готовился приказ о присвоении Джо чина полковника, когда он погиб под Геттисбергом. Глупо погиб – два эскадрона послали в разведку боем, фактически – на убой. Джо добровольно заменил лейтенанта, что должен был командовать смертниками, – к тому накануне приехала невеста... Кстати, в Санкт-Петербурге есть улица капитана Джозефа Гарпера. Ты не знал?

Писатель знал, но покачал головой.

– Тоже почти слава... – сказал Хозяин. – Правда, через двадцать лет и не вспомнят, кто это такой...

Они, не чокаясь, выпили за упокой души «Джо Кровавой руки» – так в детских играх именовал себя их товарищ, подставивший грудь под картечь федератов. Подставивший за другого, точно так же, как когда-то – с презрительным спокойствием – принимал за чужие грехи розги от мистера Доббинса, учителя, очень не любившего детей.

Помолчали. Хозяин в той войне принимал участие косвенно – занимался поставками в армию северян. А Писа-

тель... Ему довелось взять в руки оружие. Но – как-то не всерьез, какая-то оперетка получилась. С компанией друзей-сверстников вступил в «Миссурийский иррегулярный эскадрон» – с шутками-прибаутками, казалось: продолжают игры в Кровавую руку и Черного мстителя испанских морей на Индейском острове... Затем – неожиданно – полилась кровь. Настоящая. Понял – не для него. Уехал в Теннесси, в самую глушь, занялся журналистикой. И война прогрохотала мимо. Потом убедил себя – так и надо было: кто-то воюет саблями, кто-то пером... Но не любил, когда при нем вспоминали Джо Гарпера.

Чтобы сменить тему, Писатель сказал:

– А помнишь Томми? Вот уж кто, все думали, прославит Санкт-Петербург. И вон как все получилось...

Хозяин согласно кивнул:

– Да, голова у него варила... Я всегда говорил: если уж наш Томми до чего-то додуматься не может, – так и никто не додумается. Я в Вашингтоне поначалу-то по делам бывал, все думал: зайду в какой департамент, а там он – в большом кресле сидит, клерками командует... А Томми как смылся с той смазливой блондиночкой, так ни слуху и ни духу...

– Так ты что... – медленно и тяжело сказал писатель, – не слышал...

– Что не слышал? Нашелся наш Томми?

– Нашли... Год назад... Вернее, сначала нашли залежи руд – ну, знаешь, для этого новомодного металла, как он там

называется...

– Алюминий, Сэмми, – мягко подсказал Хозяин. Новомодный металл уже принес ему немалые деньги.

– Вот-вот... Нашли аккурат под Кардифской горой, начали разработку. И одна штольня натолкнулась на естественный грот. На какое-то дальнейшее ответвление пещеры Мак-Дугала – милях в четырех от ее главного входа. Там они и отыскались.

– Кто – они? – не понял Хозяин.

– Они. Томми и дочь старика Тетчера. Ну, тогда-то он был не старик, когда...

– Подожди, подожди... То есть – они не сбежали? Заблудились в пещере? И все годы их скелеты лежали там?

– Не скелеты, Берри. Мумии. Такой уж в той пещере воздух... Ты знаешь, я всегда стараюсь заскочить в Сан-Питер, когда бываю проездом неподалеку. И – через два месяца после той находки встретил старого судью... Не узнал. За полгода до того был представительный пожилой джентльмен – волосы «соль с перцем», спина прямая, походка твердая... А тут – седой как лунь, сгорбленный, едва ноги волочит. Он ведь двадцать пять лет надеялся – жива его Ребекка, жива, растит внуков где-то, просто на глаза показаться боится. Самое страшное – они там просидели живыми не меньше недели. По крайней мере Бекки неделю вела записи.

– Записи? Она взяла с собой чернила и бумагу? Лучше бы прихватила клубок бечевки, да побольше.

– Не было ни чернил, ни бумаги. Нашелся свинцовый карандаш, они отрывали клочки ткани от ее юбки, от рубашки Томми, – и Бекки на них писала. Кошмарный получился дневник...

– Ты его читал? – спросил Хозяин с долей скепсиса.

– Нет, это почти никто не читал. Надеюсь, судья Тетчер его сжег. Никому не надо читать такие вещи – и незачем. Но мне рассказывал Бен Роджерс – ты должен его помнить, он сейчас окружной коронер... Так вот – он читал. И, говорит, не спал потом две ночи. Они... Они умирали от голода, Берри. Вода там откуда-то сочилась. У них была с собой маленькая корзиночка для пикников – пирог, что-то еще из продуктов... Растягивали как могли, Томми уверял, что их ищут и обязательно найдут. А сам слабел и через неделю умер первым. Она нащупала рядом сверток со всеми его порциями... Томми до конца надеялся, что Бекки дождется помощи. Она написала большими неровными буквами, свечи давно кончились: ЛЮБЛЮ ЕГО. НЕ ХОЧУ ЖИТЬ. И больше дневник не вела, сколько еще прожила, никто не знает... Мне порой хочется написать про них – но с хорошим концом, чтобы они спаслись, выбрались, чтобы жили долго и счастливо, чтобы она родила ему пятерых детей...

– Напиши. А то история действительно поганая, – сказал Хозяин. – Но... знаешь, Сэмми, – я даже не помню лица девчонки. И имя – Бекки – вспомнил, только когда ты его назвал. Звучит для меня всё, как сказка, – страшная, но сказ-

ка... Надеюсь, Томми успел, пока оставались силы, попользоваться ее любовью.

Прошедшие годы изрядно добавили ему цинизма.

– Как ты догадался? – неприятно удивился Писатель. – Я ведь не хотел тебе говорить...

– Нашел загадку... Чем еще может заняться четырнадцатилетний парень с ровесницей – если темно, идти некуда, и надо чем-то задавить страх смерти? Мне тоже было четырнадцать, когда...

Хозяин неожиданно замолчал. Писатель отметил странную вещь: лицо у его старого приятеля стало другим – мрачным, темным. Суставы пальцев, сжимавших бокал, побелели. А ведь про заблудившихся в пещере слушал гораздо спокойнее. Вспомнил свою страшную сказку?

Хозяин встал. Сделал шаг к иллюминатору. Постоял, глядя на круглый проем – Писатель мог поклясться, что звездного неба Хозяин не видит. Потом – два шага к двери. Застыл снова. Потом – быстро, уверенно – раскрыл отделанный слоновой костью погребец, ухватил сразу две бутылки. Поискал глазами штопор... Не увидел, и – резко – горлышком о край стола.

Писатель вздрогнул. Стекло хрустнуло. На палисандре столешницы появилась глубокая вмятина – и была видна даже сквозь накрахмаленную скатерть.

Вино – то, что не выплеснулось при ударе – хлынуло в бокалы кроваво-красной струей. На скатерти набухали лужи-

цы...

Сейчас расскажет все, думал Писатель с холодным удовлетворением. Расскажет, никуда не денется, — потому что дернул за какую-то дверцу в своей памяти, к которой прикасаться совсем не стоило. Пусть расскажет, а я послушаю. Может, куда-нибудь вставлю.

Прошедшие годы изрядно добавили цинизма и ему.

Но знания жизни добавили тоже. Писатель оказался прав. Хозяин рассказал всё. Причем — Писатель удивился — речь его изменилась разительно, словно и не платил старый знакомый кучу хорошеньких кругленьких долларов своим педагогам, словно действительно пароход плыл вверх по реке времени, словно рассказывал эту историю парнишка в лохмотьях, сидящий на старом бочонке, покурывающий трубочку из маисового початка и временами лихо сплевывающий сквозь зубы...

* * *

Это случилось в то лето, когда меня убили. Меня и моего папашу. Помнишь, Сэмми, ту историю? Я думаю, что в Сан-Питере о ней толковали долго.

Так вот, в то лето мой старик допился до белой горячки. Вроде бы обычное для него дело, да не совсем. На этот раз вместо розовых тараканов или зеленых утопленников на папашу напустился сам Ангел Смерти. Причем мнится ему,

что Ангел – это я. Ну, старик мой за топор, и давай отбиваться. Хибарка у нас была – семь футов в ширину, десять в длину, дверь заперта, в окошечко разве что кошка проскочит. Вижу – конец пришел. Ни увернуться, ни убежать, – разделяет, как баранью тушу. Хорошо, успел я... В общем... Короче говоря, споткнулся старикан о бочонок с солониной – и на пол рухнул. А там как раз мой ножик фирмы «Барлоу» валялся, и...

И осиротел я, Сэмми, в четырнадцать лет. Горько мне стало, муторно. Сижу, думаю: вот папашка мой всю жизнь пил, всё, что под руку подворачивалось, – крал, вечно рядом со свиньями на старой кожевне пьяным валялся... А ведь никто мне руку не пожмет, спасибо не скажет за то, что если не веревку, то уж ведро смолы и старую перину городу точно сэкономил. Нет, сэр! Сразу вспомнят, что был он каким-никаким, а гражданином Соединенных Штатов, – и упекут меня в кутузку. Могут, правда, туда и не довести, по дороге повесить, – другим строптивым сыновьям для остратки.

И решил я сказать «прощай!» штату Миссури. Но так, чтобы меня потом не ловили и не искали. Ну, и обставил дело соответственно – будто кто-то дверь снаружи топором изрубил, нас с папашей прикончил, а мой труп до реки дотащил – и в воду.

Короче говоря, загрузил в лодку всё, что в хибаре ценного нашлось, – и на Индейский остров. Затаился, день сижу, другой сижу, – самого сомнения гложут. Поверили моей вы-

думке? Нет? Дай, думаю, сплаваю на миссурийский берег. Подкрадусь-подползу к пристани, может и узнаю чего... Дождался темноты, поплыл. Едва причалил в сторонке – слышу: шум, крики, лай собачий. Факелы мелькают, пальнули пару раз из ружья вроде как... Нет, думаю, не судьба, другой раз как-нибудь. Стал отчаливать – из кустов человек. И – прыг ко мне в лодку! Гляжу – негр! Здоровенный, зараза, пахать на таком можно. Ну вот, думаю, сейчас моя придумка правдой обернется – и поплывет мой труп вниз по матушке-Миссисипи.

Но негр вроде мирный: чуть не на коленки хлопается, – спаси, мол, масса, не дай безвинно погибнуть. Линчевать его, видишь ли, собрались. Но мне-то что до его проблем? Своих куча. Да только пока я его из лодчонки выпихивать буду – тут обоих и повяжут. Ладно, говорю, садись за весла. Как он греб, Сэмми, как он греб! Борта трещат, весла гнутся. Даром что негр, а висеть тоже не хочет. Стрелой отплыли мили две – тут луна из-за туч. Негр лицо мое разглядел – и чуть за борт не сиганул. Да не смог – сомлел, отнялись руки-ноги. Тут и я его признал – Джим же это, его сестра старой вдовы Локхид к нам привезла, – когда погостить приехала, да на три года и застряла. Что, говорю, весла-то бросил, – греби давай к тому берегу. А он: не тронь меня, не тронь, я мертвецов не трогал никогда, и ты меня не тронь...

Ну, отвесил я ему затрещину, чтоб прочувствовал, какой я мертвец. Помогло. Выяснилось: линчевать Джима собра-

лись не за что-нибудь – за убийство меня и папаши. Он в тот вечер за дровами поехал, как раз неподалеку от нашей хибарки рубил. Ну, видел его кто-то там, потом вспомнил, – и пошла потеха. В Миссури, сам знаешь, даже сейчас негру лучше не мелькать возле места, где белого убили. А уж тогда...

Ладно, думаю, негра от себя отпускать нельзя. Никому он не должен проболтаться, что я еще по этому свету разгуливаю... Тут он меня за рукав: пойдем, дескать, расскажешь, что я не убивал тебя вовсе... Говорю ему в ответ так спокойненько: мол, папашка мой, думаешь, тоже придет – и пятерней на Библию, что не ты его на ножик насадил?

Приздумался черномазый. Да и я в затылке чешу. А лодочку мою помаленьку течением сносит.

В результате всех раздумий получается, что сидим мы с Джимом в одной лодке. И в прямом смысле, и в переносном. Если его линчеватели поймают и он все расскажет – конец моей привольной загробной жизни. А если я попадусь – придется на него убийство папаши навесить, нет другого выхода. Так что лучше нам друг другу помочь унести ноги из тамошних мест.

В общем, поплыли мы в сторону устья Огайо вместе, Джим в свободные штаты податься решил. А мне все равно куда, лишь бы от дома подальше. Ночами плывем, днем отсыпаемся, питаемся чем бог пошлет. Пошлет курицу – едим курицу, пошлет копильню незапертую у берега – едим око-

рок, поле с молодым маисом пошлет – и за это богу спасибо. Рыбу еще ловили. Папаша мой, наверное, в гробу ворочался – если, конечно, ему городская казна на гроб расщедрилась. Сам-то был он рвань рванью, но белым цветом кожи крайне гордился. А тут сынок его единственный с негром связался, из одного котелка с ним пьет-ест, в одном шалаше спит, одной циновкой укрывается... Мне и самому дико поначалу казалось. Потом ничего, привык. Да и к Джиму пригляделся получше – все почти как у людей у него. Не совсем, конечно, но очень похоже. Жену он свою вспоминал, дочек, сына, – плакал даже. А со мной – я когда понял это, чуть за борт не свалился – со мной просто подружился. Хуже того, я и сам стал как-то... не знаю, как сказать... в общем, никогда не думал, что я за какого-то негра так тревожиться буду, когда нас у Сен-Луи чуть охотники за беглыми рабами не прихватили. Не того испугался, что все он обо мне расскажет, ничего бы он не рассказал, – за него самого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.